

Александр Альберт

НОМО SAPIENS В ЭПОХУ ДЕБИЛИЗМА

**ФАБРИКИ
РАБОЧИМ!**

**ЗЕМЛЯ
КРЕСТЬЯНАМ!**

СУПЕР Издательство

Александр Альберт

**Homo sapiens в
эпоху дебилизма**

«СУПЕР Издательство»

2018

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Альберт А.

Номо sapiens в эпоху дебилизма / А. Альберт — «СУПЕР
Издательство», 2018

ISBN 978-5-907040-06-9

«Он, в отличие от некоторых, не помнил момента своего рождения, тем более, что окружающие вводили его в заблуждение, утверждая, что родился он или того или этого числа. Сам он считал, что права была мать, говоря, что родился он в начале февраля, холодной вьюжной ночью, в своем любимом селе, хотя в документах стояло совсем другое село, в которое, почему-то, его постоянно тянуло. Естественно, в документах стояла совсем другая дата – не мог же он одновременно родиться в двух разных местах. Почему все это происходило? Есть вроде правдоподобная версия о том, что мать, в отсутствие мужа, призванного в 29 лет на военную службу, назвала его в честь выдающегося летчика того времени – Анатолия Серова – Толиком, маловероятна. Судя по документу, найденному после смерти отца, он установил, что отец был призван на военную службу на год позже, в 1940-м году, когда было ему уже полтора года. Где был отец в момент рождения, почему он порвал первое свидетельство о рождении и поехал совсем в другое село, чтобы оформить сыну рождение на конец месяца?..»

УДК 82-31
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907040-06-9

© Альберт А., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

Часть первая	8
Рождение	8
Война	9
Мир	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Альберт

Homo sapiens в эпоху дебилизма

© Александр Альберт, 2018

© ООО «СУПЕР Издательство», 2018

* * *

*Группа граждан, захватившая в 1917 году власть в России,
сделала нас дебилами, заставив поверить в то, чего не может быть
никогда – в приход коммунизма.*

Часть первая Детство и юность

Рождение

Он, в отличие от некоторых, не помнил момента своего рождения, тем более, что окружающие вводили его в заблуждение, утверждая, что родился он или того или этого числа. Сам он считал, что права была мать, говоря, что родился он в начале февраля, холодной вьюжной ночью, в своем любимом селе, хотя в документах стояло совсем другое село, в которое, почему-то, его постоянно тянуло. Естественно, в документах стояла совсем другая дата – не мог же он одновременно родиться в двух разных местах. Почему все это происходило? Есть вроде правдоподобная версия о том, что мать, в отсутствие мужа, призванного в 29 лет на военную службу, назвала его в честь выдающегося летчика того времени – Анатолия Серова – Толиком, маловероятна. Судя по документу, найденному после смерти отца, он установил, что отец был призван на военную службу на год позже, в 1940-м году, когда было ему уже полтора года. Где был отец в момент рождения, почему он порвал первое свидетельство о рождении и поехал совсем в другое село, чтобы оформить сыну рождение на конец месяца?

Счастье, что дата была не 29-е, пришлось бы ему праздновать свой юбилей раз в четыре года.

С именем, данным новорожденному, тоже путаница. Якобы мать назвала его, как мы говорили ранее, Толиком, Анатолием. Почему это имя не понравилось отцу, непонятно. То ли потому, что и предыдущего ребенка, умершего в возрасте восьми месяцев, назвали Толиком – а это нехорошая примета! – даже, якобы, вернувшийся откуда-то отец, узнав имя второго новорожденного, вскричал: «Как! Ты хочешь, чтобы и этот умер?»

В сердцах и, наверное, под влиянием паров самогонки, выпитой с другом, секретарем сельсовета, новорожденному выписали новое свидетельство о рождении с новой датой и новым именем – Альберт!

В честь еврея Эйнштейна, что ли? Отец был учителем и, возможно, творец теории относительности и подвигнул его на этот подвиг.

Звучало роскошно – Альберт! Но поп Покровской церкви в его родном селе уже после того, как его заняли танкисты Гудериана, но еще не разбомбили наши – на ее колокольне находился наблюдательный пункт немцев, отказался принять от прихожанки, бабушки нашего героя, список лиц, которым положено пропеть: «Во здравие раба божьего...», где стояло его имя – Альберт, сказав, что имя это не христианское, а собачье и, следовательно, не заслуживало здравицы!

Бабушка сработала оперативно – побежала домой и переписала бумажку, заменив имя Альберт на христианское – Александр. Батюшка закрыл глаза на подделку и пропел: «Во здравие раба божьего Александра!»

Из-за этой путаницы он не стал рабом божьим, ему было стыдно креститься в церкви даже в те времена, когда креститься и целовать иконы стали секретари ЦК КПСС, в том числе по идеологии.

На всю оставшуюся жизнь он стал владельцем двух имен, причем в первые шестнадцать лет он был только Александром, Аликом.

Война

Война застала его в возрасте два с небольшим года. По идее, он должен был помнить ее, но память оказалась избирательной – он ясно, фотографически помнил только отдельные моменты ее, и первым, трагическим, моментом была смерть дедушки, произошедшая на его глазах.

Он был первым и единственным внуком у своего дедушки Афанасия Сергеевича Брынцева, потомка песоченских мастеровых людей, перенявшего от них мастерство и ставшего знаменитым на всю округу кузнецом. Прадед, Сергей Александрович Брынцев, получил в период Столыпинских реформ надел земли в несколько гектаров и, надо полагать, успешно работал на ней. В хозяйстве была пара лошадей, несколько коров и, без особого счету, остальной живности. Обязательно держали овец романовской породы – всякий праздник встречали с бараниной.

Большевики согнали его с надела, обобществив крупную живность, заставили разобрать деревянный дом и перенести его поближе к власти, в село Дегонка. Но прадед не стал рабом в колхозе, каждое утро он шел за двадцать километров в Песочню на чугунолитейный завод, где работал мастером на все руки. Его сын, Афанасий Сергеевич, прямо в сенях перенесенного дома устроил кузню, таким образом, тоже отделившись от колхоза. Наш герой ясно помнит большие меха, подававшие воздух для горения угля, приводимые в действие веревкой, которую надо было тянуть вниз. От старого надела остался прекрасный сад, попытки перенести его на новое место не удавались – слишком большими были деревья. И пока, уже после войны, деревья не погибли от безуходности, этот сад назывался Афонькиным, и право сбора яблок в нем признавалось за Афонькиными.

Дед погиб от осколка снаряда, разорвавшегося в горнице. Внук сидел под большой русской печкой, там, где обычно держали дрова, чтобы они подсохли. Вроде бы с ним была мать, но этого он не помнит. Прямо перед ним, за простым обеденным столом, на стене висела кухонная полка и где-то вверху над ней горела слабым светом лампадка. Он не помнит разрывов снарядов, но почему-то ясно помнит тонкое, стеклянное треньканье посуды, стоявшей на полке.

И самого взрыва не помнит, но четко помнит фигуру деда в исподнем, стоящую рядом с печью перед дощатой перегородкой, отделявшей кухню от горницы. Дедушка держался правой рукой за живот, из-под руки на белую рубаху текла черная кровь. Помнит слова деда, обращенные к дочке, матери героя: «Зоя, меня убило». Осколок прошел тело дедушки со спины и той же ночью он умер. Что было дальше, какие были крики, стоны, действия, он не помнит. Бабушки дома не было и он, наверное, ждал ее до утра, охваченный непонятным ужасом смерти. Он первый услышал стук в заиндевевшее окно, подбежал к нему, дыханием протаял кружок, сквозь него увидел в утренних сумерках лицо бабушки, и закричал: «Бабушка! А нашего дедушку убило!» Тело деда в самодельном гробу, сделанном из разобранной перегородки, пролежало в сенях до конца марта, пока земля не оттаяла, и пока не затухли кровавые бои, проходившие в пяти – двадцати километрах от села.

Позже, копаясь в архивах, читая воспоминания и описания участников боев, он найдет оперативную сводку группы армий «Центр» – утреннее донесение 12.02.42 г.: «4-я армия сообщает: 40-й танковый корпус: Группа «Ронеке»: артиллерийский огонь на Дегонка». Именно в ночь с 11-го на 12-е февраля произошла эта трагедия.

Как выжило село, находясь от линии фронта на расстоянии 4 км в течение полутора лет, и как выжили он и остальные обитатели – это, наверное, одному Богу известно. Село было расположено в ложбине, повторяя очертания текущей внизу речки Дегна, воды которой через Болву, Десну и Днепр бежали в Черное море. Все, что было расположено на окружа-

ющих речку холмах, было разрушено – Покровская церковь, дом помещика Ардалионова, дом священника, его прадедушки по отцу. В селе находился штаб немецкой дивизии, входившей в состав 4-й танковой армии вермахта. Само село располагалось в очень опасной близости к Варшавскому шоссе, в зоне северной части брянских лесов. На юге проходила не менее опасная с военной точки зрения магистраль – Киевское шоссе. После того, как немцев отбросили от Москвы, в начале 1942 года нашим удалось с ходу захватить Киров (бывшую Песочню) и перерезать железную (рокадную, как говорят военные) дорогу соединявшую Брянск, Вязьму и Ржев, тот самый коготь, нацеленный на Москву, который Гитлер назвал воротами в Берлин, и который приказал отстаивать до последнего солдата. Удерживая Ржев и Вязьму, немцы тешили себя надеждами на возможность повторного броска на Москву. Единственной магистралью, питавшей голодных и замерзших солдат вермахта, была Варшавка. Именно здесь обломилось военное счастье Жукова, не сумевшего подрезать под корень этот коготь, несмотря на то, что поражение немцев казалось таким близким – в тыл к немцам прорвалась 33-я армия генерала Ефремова, но немцы сомкнули за ней горло прорыва. Был высажен юго-западнее Вязьмы десант, туда же прорвался первый гвардейский кавалерийский корпус Белова и прорывались они как раз через Дегонку. На память об этом прорыве остался в селе раненый конь Карька, сильно хромавший, почему и не был реквизирован немцами сразу, но, когда пришлось срочно уносить ноги, они его все-таки забрали.

Бои за овладение кусочком Варшавки были страшные. Село, благодаря окружавшим его лесам, было очень удобным местом для прорыва линии фронта. То наши войска, то партизаны, преимущественно ночью, выбивали немцев, но наутро немцы выбивали наших. В этих боях погиб дядя нашего героя, военком района, ставший командиром партизанского отряда. Уже после войны младший из дядьев, со злорадством рассказывал нашему герою как немецкие самолеты бомбили своих, рано утром выбивших из деревни наших партизан. Под бомбами, на лугу, прямо перед родительским домом, немцы снопами выложили свастику, остановив летчиков. Бомбежка произошла и из-за того, что уходившие партизаны попросили местных парней порезать линии связи. Парни, среди которых были двое дядек, во главе с девушкой, учительницей, были выданы и расстреляны на обрыве у речки – девять человек.

И так продолжалось до тех пор, пока немцы, силами военнопленных, не вырубili леса вокруг села.

Севернее Дегонки расположилась знаменитая Зайцева гора, высота 269,8, которую наши так и не смогли занять в течение полутора лет.

Из этих времен он ясно помнит, как в один из спокойных дней пацаны потащили его к речке смотреть на лежащую вверх гусеницами немецкую танкетку – не выдержал настил моста. Вокруг суетились люди в черном.

Было очень голодно. Осенью, с приходом немцев, колхоз самоликвидировался, председатель и партийные сбежали, правда, по словам тетушки, вроде кто-то из военных в селе остался, может быть организовывать партизанское движение. Что с ним стало – она не помнит.

Месяц перед приходом немцев был спокойным, настоящим летним, бои шли где-то южнее, в районе Киева. Еременко, будущий маршал, поклялся Сталину разбить подлеца Гудериана. В селе, в церкви, стоял штаб 10-й армии и дедушка нашего героя, Михаил Дмитриевич, пил чай с начальником штаба генералом Араловым, благо жил по соседству с церковью. По бугру, с западной части села, силами гражданских, в том числе местных, был вырыт противотанковый ров, не закопанный до сих пор. Бегство штаба, ввиду намечавшегося окружения, увлекло за собой и дедушку. Он посадил на лошадь все свое многочисленное семейство и поехал на восток, но через неделю вернулся без лошади, без имущества, пешком. Аралов со штабом смог убежать, а дедушка не смог – немцы наступали стремительней. Вопиющую послевоенную бедность дедушки наш герой помнит очень хорошо: – один,

без жены, красавицы восточной смуглой красотой, умершей в 35-м году, он смог построить примитивный дом, поднять на ноги четырех дочерей, но нищета лезла из всех углов. Впрочем, нищета была делом обыденным.

Наш герой не помнит, как пережили первую под немцами зиму, кроме гибели бабушки, но помнит голодную весну, когда в апреле, по проталинам, таская на ногах килограммы глинистой почвы, он с матерью собирал не выкопанную осенью картошку. Из мерзлой картошки получались синие, необыкновенно вкусные, приправленные конопляным маслом, оладьи, необыкновенная вкусность которых объяснялась отсутствием другой пищи.

Позже сельчане, вспоминая эти два года оккупации, называли эти оладьи тошнотиками. Бабушка героя, вспоминая, рассказывала ему, что чтобы хотя бы чем-нибудь погасить чувство голода, она опускала его в яму, где немцы выбрасывали пищевые отходы из устроенной рядом с домом офицерской столовой, собирать их. Благодаря этой столовой, а позже бабушка нашла общий язык с поварами, снабжая солеными огурцами и квашеной капустой, которые успели засолить, так как в период между занятием села и отступлением от Москвы немцев в селе практически не было. Семейство жило сносно, что позволяло соседям говорить: «А что? Афонькины жили хорошо!». Говорили, что сельчане успели сжать серпами необработанные поля ржи и овса и припрятать урожай. Немцы, заняв село, начали грабить. Забрали скот, кур, гусей, обыскивали и забирали припасы – сало, сметану, масло, – специальная команда ходила из полицаев, привезенных из других мест. Сельчане в полицаи не пошли. Позже, когда фронт установился, в село пригнали военнопленных наших, которые делали все хозяйственные работы для немцев. Дедушку Митрича комендант назначил старостой и когда немцев в 41-м мороз припек, его обязали собрать теплые вещи – валенки, полушубки, шапки, носки шерстяные. Приказ он не выполнил, срочно заболел, но полицаи выполнили эту работу, практически раздев сельчан. Обоз из четырех саней поехал к фронту, но далеко не проехал, так как был встречен заранее предупрежденными партизанами, а предупредил их дедушка через оставленного в селе человека. Немцев и полицаев постреляли, припасы забрали себе.

Следующее яркое воспоминание связано со сделанным дедушкой Афоней целиком металлическим трехколесным велосипедом. Наверное, это было лето 42-го года. Он играл с этим велосипедом на лужайке возле дома, в какой-то момент выехал на дорогу, хотя это было запрещено категорически, попытался ее пересечь, но на той стороне дороги велосипед застрял в песке.

Попытался его вытащить, дергал и так, и сяк, но ничего не помогало. Вдруг со стороны горки он услышал грохот – громадная немецкая телега с колесами в два раза выше его роста, запряженная парой рыжих битюгов, неслась вниз, возница стоял в рост и пытался сдерживать их. Плача во весь голос, чувствуя весь ужас возможной гибели под колесами, он безуспешно дергал и дергал тяжелый велосипед, отскочив от него в считанные секунды. Велосипед попал в колесо, его скрутило между спицами, и он заклинил его, затормозив движение. Телега – фура – остановилась метров через сто, уже на спуске к речке. Все это время наш герой, рыдая, бежал за телегой. Немец спрыгнул, с немалым трудом вытянул из спиц скрученный, ставший негодным, велосипед и отбросил его в канаву. Что было дальше – он не помнит, но после войны этот велосипед долго лежал возле дома в саду, поражая искусством кузнеца, сделавшего его без единой заводской детали, без токарного станка и каких-то заводских приспособлений. Надо полагать, что попади этот велосипед куда-нибудь в Европу, он бы стоял либо в каком-нибудь музее, либо на видном месте у хозяина. Зажиточного хозяина. Но зажиточных хозяев большевики, руками таких, как Лазенок, согнавшего, в период своего председательства в образованном в селе колхозе, всех с богатых подворий в нищету скопа, сумели вывести, чтобы эта нищета никогда не кончалась вплоть до исчезновения вместе с местами обитания, освободив пространство для проходивцев.

Следующий эпизод некрасивый и он ясно его помнил. Дело было, наверное, летом 43-го. Немцы, получив сокрушительное поражение под Сталинградом, в предчувствии обязательного ответа за свои деяния, стали добрее, что ли. Дядьки, одному из которых было двенадцать, а второму шестнадцать, постоянно, вместе с такими же ребятами, как они, что-нибудь таскали у немцев. Он достоверно помнит, как они угощали его мармеладом из бочки, которую они помогли то ли выгрузить, то ли перекатить. Вот и сейчас им понадобился карбид, очень необходимое для всяких дел вещество. Его можно было использовать как для добрых дел в хозяйстве, в карбидных осветительных лампах, например, так и для баловства – просто бросить в воду и поджечь выделяющиеся пузыри; либо набить до половины какую-нибудь красивую, выброшенную немцами, стеклянную бутылку, возле речки быстро налить туда воды, успеть забить деревянную пробку и бросить ее в воду. Бутылка с глухим звуком взрывалась и глушила рыбу.

Добыть его можно было только в одном месте – возле уборной вблизи штабной офицерской землянки, которую круглосуточно охраняли. Землянка была устроена через дорогу, наискосок, на бугре над речкой. Надо сказать, что все немецкие землянки были хорошо и аккуратно устроены. Вот и эта, окруженная ровной канавой, с посыпанными песком дорожками, чисто подметенная, с ловко устроенной над обрывом, между деревьями, уборной. Возле уборной и стояли две бочки с карбидом, используемым немцами для обеззараживания. Выждав, когда часовой куда-то отлучился, дядьки, прятаясь в канаве на другой стороне дороги, вытолкнули его, приказав набить карманы карбидом. Он последовал к уборной, достал и положил в карман пачкающиеся куски и пошел назад, чувствуя, что сделал что-то плохое. Он не успел пересечь спасительную канаву – из землянки вышел немец-часовой, в зеленоватой короткой куртке, в такого же цвета, штанах, заправленных в сапоги с короткими голенищами. Немец улыбался и протягивал ему конфетку. Он потянулся за ней своей грязной ручонкой, но немец не дал в руку, а потянулся к карману с карбидом. Он отчетливо помнит эту руку с конфетой и ужас, охвативший его от мысли, что немец увидит, что он – вор! Это самое страшное преступление для человека – быть вором, говорила ему бабушка, его главная мать.

Что было дальше, он не помнит. По словам пацанов, немец поддал ему сапогом под зад, и он полетел в канаву, потом снял с груди черный автомат и дал очередь в небо, предостерегая тех, кто послал пацаненка.

Немцы не любили воров и могли расстрелять за самое малое воровство.

В памяти ясно запечатлелась эта протянутая рука немца с конфеткой, даже цвет бумажки он помнит.

Помнит он себя сидящим на завалинке, со стороны сада, с младшим из дядьев. Высоко в синем небе летают игрушечные самолетики. Дядя объясняет ему, что в небе наши дерутся с немцами, там идет бой, а он все пытается разглядеть – где наши и где немцы. Самолетики кувыркаются, слышен стрекот выстрелов. Бабушка вышла из дома и приказала немедленно войти в сени: пули пулеметов и осколки снарядов могли поранить, а то и убить.

Он помнит день, когда их выгоняли из села отступавшие немцы, пытаясь увести с собой в Белоруссию. Августовский день, ясный, безоблачный, высоко в небе кружат наши и немецкие самолеты – идет воздушный бой. Он восседает на корове, единственной оставшейся в живых. Корова эта была при офицерской столовой, поила молочком фрицев, но содержалась бабушкой. Немцы, спешно отступая, то ли забыли, то ли подарили ее. И вот теперь она медленно тащила телегу со скарбом, собранным родней как по материнской линии, так и по отцовской. За ними тянулась жидкая колонна односельчан – остатки, основную массу народа немцы угнали неделей раньше. В какой-то момент обнаружилось, что немцы, ехавшие впереди и вроде как сопровождавшие угоняемых, куда-то делись и колонна свернула в веселый солнечный березнячок. Он помнит, как взрослые положили на траву

большой алюминиевый таз, наполнили его водой, подсластили ее медом и накрошили туда то, что называли хлебом. Все – а это были его мать, бабушка, дедушка Михаил Дмитриевич, двое дядек и тетка по материнской линии, трое теток по отцовской, начали есть тюрю. Позади в небо поднимались столбы дыма – немцы поджигали уцелевшие дома в их и окрестных селах. Кстати, поджигатели были пленены впоследствии в белорусских котлах, их привезли к ним в село, судили и повесили на площади. Ему не разрешили смотреть казнь. Говорят, что некоторые из осужденных плакали, пытались обратиться, умоляя простить, к знакомым из односельчан – в селе, за два года оккупации, успели родиться их дети.

Он не помнит ни крови, ни убийств, да и смерть бабушки осталась в памяти только эпизодом, наверное, потому, что в тот момент было слишком много слез, рыданий.

Сохранилась очень хорошего качества немецкая фотокарточка, вернее, часть ее – вторую, кто-то отрезал, может она кого-то уличала в чем-то нехорошем?

На фото, сделанном на бумаге фирмы Кодак, он изображен стоящим на лужайке напротив своего дома вместе с лучшим другом Толиком Тришкиным. Позади виден сарай, в котором содержались те самые немецкие битюги, а перед сараем – такая же, с громадными колесами фура, под которой он едва не погиб. На нем кургузый засаленный пиджачок, застегнутый на три больших пуговицы, от чьего-то, отслужившего свой срок, пиджака или пальто, надетая набекрень кепка, явно большего, чем нужно, размера – от одного из его дядьев; обрезанные по колено, с висящими по обрезами нитками, штанишки, и растоптанные, без шнурков, ботинки. Пиджачок, кстати, тот самый, в карманы которого он прятал ворованный карбид. Друг одет также: – несмотря на лето – пальто, из которого он вырос, штаны с помочами, ни чулок, ни ботинок нет.

Других ясных, цветных картинок с войны в памяти не осталось. По послевоенным рассказам, в основном теток, он выглядел шустрым, активным пацаненком, бойко приветствовавшим немцев фашистским приветствием, за что, наверное, получал от них конфетки, вкуса и сладости которых он не помнит.

Угоняемые просидели в лесочке до вечера. Не обнаружив немцев – поджигателей, которые уехали какой-то другой дорогой, на семейном совете решили вернуться назад. Дом бабушки, единственный в деревне, остался цел. По преданию один из этих немцев, который хорошо знал бабушку, сказал ей: «Матка, твой дом я не сожгу!» Может быть, что именно этот немец и просил защиты перед казнью.

Родня ночь провела в доме бабушки, остальные – их было немного, некоторые прятались еще сутки, – разместились в немецких землянках.

Утром все жители собрались на лужайке напротив бабушкиного дома, на восточной стороне села – ждали наших, слух прошел, что в соседней деревне Приют уже побывали наши разведчики. Ждали не просто так – пошарив по брошенным немцами огородам возле землянок, принесли дары – громадную сочную морковь, сладкую брюкву, огурцы, что-то еще – он всего не упомянул. Все это держалось в руках. Жителей было немного – десятка полтора. Наш герой крутился здесь же, нарвав десяток ранних сладких яблок – Карабовки, единственного сорта, от которого не было оскомы.

И вот на дороге, ведущей от Приюта, на пригорке, появился русский солдат. Наш герой первым бросился к нему, облик этого солдата запечатлелся на всю оставшуюся жизнь. Невысокий, пожилой, в пилотке, с тощей котомкой за плечами, с привязанным к ней закоптелым котелком с крышкой, с винтовкой наперевес. Обут солдат был в растоптанные ботинки с обмотками до колен. Выгоревшие до белизны штаны и гимнастерка, перетянутая ремнем, на ремне был пристегнут немецкий штык в ножнах, пристроены какие-то коробочки, наверное, для патронов.

Солдат повесил винтовку за плечо, протянул к пацану руки, поднял его и прижал к груди. Простое русское, сильно загорелое лицо с выцветшими бровями и усами, с необыкновенно синими глазами приблизилось, солдат колюче поцеловал мальчика в щеку.

– Дяденька, дяденька! – торопливо, с хлынувшими из глаз слезами от непонятной великой радости, заговорил мальчик, – А немцы ушли все! Возьми вот яблочки! Вкусные – страсть!

Солдат снова поцеловал его, надкусил яблоко: – А и правда сладкие! Где ж ты такие выращиваешь?

– Они сами растут, дяденька, в бабушкином саду! Возьми еще!

– Спасибо внучок! – солдат положил парочку яблок в бездонный карман штанов. – Спасибо!

Опустил мальчика на землю, снял пилотку, вытер ею выступившие из глаз слезы. Что он вспомнил? Кого?

Подбежавшие бабы бросились обнимать и целовать солдата, плакали, причитали, совали дары, но наш герой в этом не участвовал, он побежал докладывать увиденное бабушке.

Бабушку он нашел на кухне. Она сидела за грубым деревянным столом и плакала, не рыдая и не причитая, слезы просто текли по щекам, и она вытирала их грубыми, черными от работы, пальцами. Он бросился к ней, удивленный, что она вот сидит и плачет, а надо бежать к солдату и радоваться, что немцев победили.

– Бабушка, родненькая не плачь! Наши пришли! Солдат военный там, с ружьем! Пошли, бабушка! – он потянул ее к выходу.

Бабушка обняла его, прижала к худой груди, ласково погладила по голове грубыми и такими родными руками.

– Сиротинушка ты мой! Иди, гуляй! Что-то у меня ножки ослабли, посижу я лучше.

Не понимая бабушкиного состояния, внук побежал на улицу, а там его ждал, давно томился, закадычный друг Толик.

– Алька! (Так его звали все окружающие) Что ты дома сидишь! Там, возле речки, мы немцев бьем! – босой, с вечными цыпками на ногах, Толик был возбужден.

Побежали – под горочку, мимо того места, где немец остановил битюгов и отдал ему покореженный велосипед, по дороге к деревянному мосту. Там, в низинке, рядом с дорогой, немцы устроили аккуратное кладбище для своих убитых. Два ряда белых, одинаковых березовых крестов с надетыми сверху касками, с прибитыми табличками, на которых черным были написаны имена и звания погибших, безо всякого признака надгробий, ровно вкопаны в землю. Алька всегда удивлялся – как можно так ровно установить кресты? Сейчас ровность эта была порушена, касок уже не было – негодные, пробитые пулями или осколками, валялись, годные кому-тогодились.

Рядом с крестами сидел и пускал длинные сопли Фриц – восьмимесячный брат Толика. Сидел молча, деловито засовывая в рот глину. Увидев брата, протянул к нему руки и что-то залепетал на непонятном языке.

– Надоед хуже редьки! – обращаясь к Альке, бросил, не останавливаясь, Толик, – просит и просит жрать! А где я ему жрать найду? Моркву не ест, зубы не выросли. Я ж не буду ему жамки жевать!

Понимая и сочувствуя другу, Алька бросился искать подходящее оружие, чтобы порушить эту фашистскую ровность, уничтожить эти фрицевские кресты. Нашел крупный камень и стал сбивать белые струганные таблички с красиво написанными незнакомыми буквами. Толик орудовал палкой. Когда сбили последнюю, стали вдвоем валить кресты.

– Алик!

Алька оглянулся – на бугре, над дорогой, стоял дедушка Митрич.

– Не трогайте кресты! Там мины могут быть!

Друзья переглянулись – дед может быть прав! – и побросали приспособы на обочину. Толик нагрузил на себя брата, сопли которого проложили дорожки на измазанном глиной подбородке, и они побежали наверх, к солдату. Но никого уже не было.

К вечеру в село приехал на маленькой, грязной и ржавой, машине военный, собрал на площади оставшихся жителей и приказал, пока не приедут и не обследуют все кругом саперы, ничего немецкого не трогать и в немецкие блиндажи не ходить. Но дядя уже побывал в каких-то блиндажах, потому что вечером сидели в кустах и, втихоря, прячась от Альки и от бабушки, хихикая, рассматривали немецкие срамные картинки, забыв, что от племяша ничего не скроешь!

Из обилия впечатлений, связанных с освобождением, он запомнил походы по брошенным немцами блиндажам и землянкам. Поразило убранство – все внутреннее устройство было изготовлено из неошкуренной березы – столы, исключая, конечно, столешницы, нары, табуретки, стойки. Береза придавала праздничный, светлый вид, подземному помещению. Поразило обилие кошек – ребята принялись гоняться за брошенными несчастными животными, стреляя в них из рогаток и кидаясь палками, кошки отождествлялись с их хозяевами – фрицами!

Через село изредка проходили колонны военных машин, танки, и жители, в основном дети, осыпали их собранными полевыми цветами, которые росли во множестве. Иногда военные останавливались на постой и тогда вечером крутили кино в одной из землянок, или прямо на улице, повесив простыню между деревьями, для более взрослых устраивались танцы. Для мальчишек это время было золотым – немцы, убегая, взрывали склады с оружием, с какими-то ненужными вещами, и им доставались невзорвавшиеся снаряды, патроны, слегка испорченные винтовки, ракетницы, ракеты к ним. Все это собиралось по лесам и стаскивалось в деревню. Из немецких противогазов вырезались отличные резинки для рогаток, из снарядов, мин – их научились развинчивать – доставали тол, шрапнель, длинные палочки пороха, термит. Иногда это кончалось гибелью самодельных саперов. Два случая особенно запечатлелись – мальчик бежит по улице, к дому, к матери, поддерживая обеими руками выползавшие кишки из разорванного осколком живота; и пятеро мертвых тел, разбросанных взрывом неосторожно разоружаемого снаряда в другом случае. Шестой паренек, прятавшийся за углом сарая, был ранен маленьким осколком, застрявшим возле сердца, его не смогли удалить врачи, но этот осколок добил парня позже, когда он упал с бревна на уроке физкультуры.

В 44-м году в село прислали учительницу из Москвы и ее поселили в доме нашего героя.

И началась новая жизнь!

Еще до приезда учительницы он смутно помнит, что писать и читать его начала учить мама, и он быстро усвоил буквы, а главным толчком к стремлению самому знать все, что скрывается за буквами, явилась читанная вслух книжка о приключениях Буратино. Он замирал от жалости к сидящему в горшке деревянному мальчику, боясь, что его найдут и убьют, просил мать не читать дальше, но потом снова хотел продолжения. Словно не было минувшей войны, не было послевоенной крови и смертей его немногочисленных ровесников – все это затмил выдуманный мир книг. Он быстро освоил грамоту, а с приездом учительницы в село привезли небольшую библиотеку, которая находилась здесь же, в родном доме. И он начал читать все, но, преимущественно, военные книги. Помнит, что прочел даже «Порт Артур» – два толстых тома. Любовь его не интересовала: – война, во всех ее проявлениях, для него была самым главным! Любовь и прочие телячьи нежности он пропускал.

В течение 44-го года он прочел все пятьдесят книг этой библиотечки. Читал днями и вечерами, даже при свете лучины, когда не было ничего другого из освещения. Керосина не

было, сохранившиеся лампы заправляли бензином, который выпрашивали или выменивали у проезжавших военных. Чтобы лампа не взорвалась, в бензин добавляли соль. Использовали оставшиеся от немцев запасы карбида, но специальных карбидных ламп не было, а самодельные могли взрываться, такие случаи были, но, к счастью, не в его доме.

Он помнит, как с бабушкой посетил двоюродного деда, брата бабушки. Маленькая тесная, грязная землянка освещалась лучиной. Дедушка Володя, маленький, горбатенький, наверное, болел, и они принесли ему какие-то гостинцы. Алька испытал ужас от этой черной, неприятно пахнущей землянки, ужас от тонких, источенных голодом, грязных рук, от слез плакавшего от благодарности дедушки, которые текли по его черным от грязи щекам.

Больше он деда Володю не видел. По словам тетушки, дед Володя до войны был деловым мужиком и, не смотря на свою горбатость, женился на красивой девушке. Еще до войны у них родился сын, но, когда во время одной из бомбежек был разрушен и сгорел их дом со всем имуществом, жить стало нечем, и сынишка умер от голода. Жена, пытавшаяся спасти и его и семью, пошла в услужение к немцам, которые прихватили ее с собой при бегстве. После войны она появилась в селе, плакала на могилах сына и умершего к тому времени мужа, но никто ее не принял, считали ее заразной.

Осенью 44-го, Елена Михайловна – так звали присланную учительницу, открыла первый класс. Детишек было мало, они все помещались за одним длинным, наскоро сколоченным столом в единственном кирпичном доме, у которого сгорела только соломенная крыша, но сохранился потолок. Детей было мало потому, что большая часть жителей села была угнана немцами с собой, в Белоруссию, и они вернулись только в начале 45-го. Алька сидел за столом тоже, но услышав букварёвские «м» и «а» – «ма», ему стало скучно, он поднял руку и попросился домой, к бабушке. Боже, как он любил бабушку! Он был согласен и жамки ей жевать, когда у нее выпадут зубки, и хлебом, посыпанным песочком, кормить.

Мать была как бы в отдалении, у нее были свои заботы. От отца с первого дня войны никаких вестей не было, его считали убитым, матери нужно было как-то устраивать свою жизнь, и Алька в этом был для нее обузой.

Время, прошедшее с момента освобождения до дня Победы, было насыщенным и необыкновенно интересным с точки зрения ребятишек. Оружие, патроны мешками, гранаты, толовые шашки (однажды бабушке на рынке их всучили под видом хозяйственного мыла), ракетницы и сами ракеты – все это находилось по окрестным лесам и хранилось в подвалах и погребах, в застрехах, закапывалось в огородах и садах. Попадались винтовки, пистолеты, автоматы. Среди малышни особенно ценились ракетницы, высшим шиком было стрелнуть темной осенней ночью и смотреть на холодный, мертвый, белый свет, вырывающийся из темноты дома, деревья, кусты.

Однажды младший из дядьев, дядя Валя, вздумал, в отсутствие бабушки, посмотреть на внутреннее устройство ракетного патрона. Внезапно ракета загорелась и, испуская клубы дыма, огненных искр, принялась летать по горнице, отскакивая от пустых стен. Алька с дядей, неведомо как, оказался под столом, в страхе наблюдая за полетом, пока в ракете не кончился заряд.

Особенно высоко ценился термит, добываемый из развинченных зажигательных снарядов. Кусок термита заключался в сплетенную из проволоки корзиночку, поджигался и запускался в небо с помощью пращи – незаменимого оружия пацанвы, как и рогатки. Такой запуск темной осенней ночью был самым эффектным – истекающий каплями негасимый огонь, мотающийся по небу, вызывал бурный восторг.

Осенью 44-го органы попытались обуздать беспредел, объявив день добровольной сдачи оружия и всего прочего взрывчатого. Целый день на берегу речки слышались выстрелы, даже гранаты бросали в воду, глуша рыбу – совмещали полезное с приятным. Алька принес свою ракетницу со сгоревшей рукояткой, другая, совершенно исправная, была

закопана, предварительно обильно смазанная солидолом и завернутая в тряпку. Бабушка, находившая схроны сынов и внука, бросала найденное в туалет – единственное наинадежнейшее место.

Во взрослые игры, как например стрельба из найденной в лесу немецкой пушки, его не пускали по причине малости. Когда снаряды для пушки кончились, ребята срезали с ее колес микропористую резину на мячики для игры в лапту. Лапта в селе в эти послевоенные годы была очень популярна, в нее играли и малыши и взрослые. Селяне с удовольствием приходили посмотреть и поболеть за команды, азартно подшучивая над проигравшими.

Ребятня играла в клеста – нужно было заостренную с двух сторон короткую палочку ударом биты по кончику поднять в воздух, а вторым ударом послать клест как можно дальше. Выигрывала та команда, которая за определенное количество ударов возвращала клест к кону.

Азартно, со спорами до стычек, играли в городки, причем весь инвентарь изготавливали сами.

До изнеможения гоняли металлическими, особо изогнутыми прутами, ободы от колес машин, разбитые остовы которых были в лесу, по берегам речки.

Однажды, после переданных секретных слухов о якобы найденных в разбомбленных многоэтажных жилых домах в Шайковке вещах – кто-то нашел швейную машинку, кто-то оружие, – Алька с Толиком побежали на поиски. Пролезли в щель на первом этаже, даже смогли спуститься в подвал, но все, что оставалось от жильцов, было собрано до них. Подняв голову, Алька на перевернутой взрывом панели с кафельным полом увидел жуткие кровавые отпечатки босых ног – кто-то, раненый, наследил перед тем, как очередная бомба разрушила дом. Стало жутко, они выскочили из развалин и побежали домой.

Было очень голодно. Наступавшее лето было связано, прежде всего, с поисками пищи. В рот шло все, что вылезало из земли – побеги щавеля, молодые трубки морковника, юные побеги сосен. Ловили раков под камнями и в норах, руками ловили мелкую плотву, голавликов под ивовыми зарослями, собирали птичьи яйца, в которых иногда попадались невылупившиеся птенцы – из-за этого Алька прекратил это занятие, тем более что бабушка осудила разорение гнезд Божьих птичек. Позднее наступала пора незрелых яблок, вишен, крушины, малины, земляники, огурцов, жареных на прутьях воробьев, которых сбивали картечинами, добываемыми из снарядов. Хорошо, если была соль, но обходились и без соли.

Как могли помогали взрослым – ворошили и сгребали сено, утапывали его на возах и на скирдах, носили охапками.

До одури, до синевы, купались в речке, вода в которой была постоянно холодной из-за множества родников, питавших ее.

Осень приходила россыпями яблок, поесть которые мешала только оскомина. От войны у бабушки сохранились два улья пчел, необыкновенно злых. За морковкой, за яблоками на дальнем углу огорода приходилось добираться ползком между грядками. Еще страшнее было наказание, если, похвальбы ради, выходил он на улицу с куском хлеба, намазанным сверху свежеевыгнанным медом, – бежать от них тогда приходилось до речки и нырять, в чем был, с макушкой в воду, успевая по дороге проглотить хлеб. Только тогда пчелы, покружив, улетали. Но свое пчелы добирали – обычным делом было ходить с перекошенной от укусов физиономией.

Осень – это коллективная уборка капусты, которую высаживали возле речки, чтобы удобней было поливать рассаду. Капусту убирали поочередно, объединившись с соседями, сразу же ее и солили в громадных деревянных бочках. Обязанностью Альки было утапывать ее босыми ногами. Капусту секли специальными сечками в деревянных корытцах. Все это происходило весело, с шутками, песнями, с постоянным подкалыванием друг друга, так как главными работниками были ребята и девчата, выжившие во время оккупации и

не угнанные в Германию. Работа кончалась накрытием стола с обязательной вареной картошкой, с малосольными огурцами, с желтым, сохранившимся с зимы, салом, медовухой, перепадавшей и пацанят, ну и с самогонкой, конечно. От той поры остались у Альки воспоминания именно этой дружной, веселой ежедневной работы.

В конце лета бабушка давала ему мешочек и он шел собирать вызревшие метелки конского щавеля, семена которого мололись и добавлялись в хлеб.

Грибы собирали в выросших, на месте рубок, березнячках, в большой лес ходить запрещали, там могли быть и были мины, но бывали и дезертиры, прятавшиеся по многочисленным, оставшимся от войны, землянкам, от них можно было ждать любой пакости.

Зимние игры начинались осенью, когда, после первых морозов, покрывалась льдом речка. Ребята сами изготавливали самокаты, сооружения из досок с сиденьем, под которым располагались два самодельных конька, третий конек крепился к закрепленной на штыре подвижной доске и служил управлением для самоката. Коньки, естественно, были самодельными – треугольные в сечении деревяшки обтягивались толстой проволокой, служившей лезвием конька.

Как только-только на реке образовывался тонкий, в 1,5–2 сантиметра, прогибающийся, трескающийся лед, вереницы самокатов выезжали на него и лихо гонялись друг за другом, отталкиваясь палками, на конце которых были вбиты заточенные гвозди. Катание заканчивалось, когда кто-нибудь проваливался под лед. Друзья вытаскивали провалившегося, и он бегом, пока не стала колом одежда, бежал домой.

Алька проваливался два раза, и оба раза купание кончалось воспалением легких. Фельдшерица предупредила: – Заболеешь еще раз – помрешь!

Обошлось.

На самокатах гоняли и по снежному весеннему насту – днем снег подтаивал на солнце, а к вечеру замерзал, образуя ледяную корку. Она легко выдерживала вес самоката с седоком. Обычная картина – он на самокате едет с горки за домом, возвращаясь из поездки почти к Приюту, метет вечерняя метель, обшлага рукавов заледеневают так, что руки оказываются в ледяных наручниках, с трудом вылезая из них. Страшная боль, ломота до слез, лечилась окунанием рук в ледяную воду.

Весна приносила тепло и новые заботы – не было обуви. Прошлогодняя, даже годная, становилась малой, новую покупать не на что. Приходилось ждать, когда можно будет бегать босиком. Бабушкино условие – чтоб босая подошва отлипала от грязи, он проверял несколько раз на дню. Призывы к бабушке: – Бабушка, смотри – уже отлипает! – кончались проверкой и новым ожиданием. И только Первого мая ему разрешили выскочить на улицу босиком, хотя в ложбинках еще лежал снег.

День Победы пришел ясным солнечным днем. Из Шайковки, аэродром которой начали восстанавливать, прибежал какой-то военный в комбинезоне и начал стрелять из пистолета: – Войне конец! Гитлеру капут! Победа!

Больше всех радовались пацаны. Алька бегом выкопал спрятанную ракетницу, из-под застрехи достал сверточек с тремя спрятанными ракетами и с криком: – Победа! Наша Победа! Мы победили! – выпустил их в ясное небо. Победа, которую ждали, узнавая обрывками новости – в селе не было ни радио, ни телефона, – была отпразднована по-военному, слышались выстрелы, полетели в небо разноцветные ракеты. Наверное, были слезы, было угощение, были какие-то разговоры, рассказы – Алька этого ничего не помнит.

Мир

В школу он пошел шести лет, в 45-м. К этому времени школа, строить которую начали в 44-м, была выстроена. Сложенная из бревен, со мхом в щелях между бревнами, она пахла лесом, сосной. Отапливалась дровами, но было холодно. Алька отчетливо помнит, как начинался день – его будила бабушка, приходившая к тому времени с утренней дойки, накладывала в миску картошки, поливала ее молоком из принесенной с собой солдатской фляжки – это был его завтрак. Отчетливо помнит вкус рыбьего жира, ложку которого давали каждому перед уроками.

Домашние задания он делал прямо на уроках, либо на переменах. Свободного времени было полно и это свободное время тратилось на помощь бабушке, так как она осталась одна: – младший сын, дядя Валя, уехал учиться в ремеслуху, следующий по возрасту, дядя Миша, в 43-м был призван в армию и пропал, от него не было никаких известий.

На воевавшего с первых дней войны дядю Александра пришла похоронка – он, будучи в звании старшего лейтенанта в танковой бригаде, погиб в западной Белоруссии. В последнем треугольнике, написанном карандашом, он с восторгом описал рейд по тылам немцев, о кишках, намотанных на гусеницы. Потом пришла небольшая бумажка от командира части, извещавшая о геройской смерти командира роты, комсорга батальона Александра Афанасиевича Брынцева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.